

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 33

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
2019

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
А. В. Дубровский, С. И. Панов

ISBN 978-5-94668-262-6

© Авторы статей, 2019
© Пушкинская комиссия РАН, 2019

АПОЛОГИЯ ЖИВОСТИ
Памяти Ларисы Ильиничны Вольперт
(30 марта 1926 – 1 октября 2017)

Больно, когда человек умирает. Когда умирает человек, с которым уходит эпоха, больно вдвойне. Или — правильное сказать — возникает противоречивое чувство. Боли, утраты (это — безусловно!), но вместе с тем и острое ощущение эпохи, которая в нашем сознании, возможно, только и оформляется в тот момент, когда населяющие ее герои покидают сей мир. Во французском языке, который так любила Лариса Ильинична, эта двойственность как нельзя лучше выражается словом *sublime*, которое уже само по себе оксюморон...

А ведь Л. И. Вольперт действительно принадлежала эпохе, последние представители которой катастрофически уходят. Эпохе знаменитых тартусян, которых теперь принято высокопарно называть московско-тартуской школой. С ними она была связана и семейно (мужем ее был легендарный Павел Семенович Рейфман, последняя, посмертная, книга которого «Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России» именно благодаря усилиям в первую очередь Л. И. Вольперт увидела свет). Но также бытийно и событийно — дружбой домами с Э. Г. Минц и Ю. М. Лотманом (иной, возможно, увидит нечто символическое в том, что последней квартирой, в которой жили в Тарту Юрий Михайлович и Зара Григорьевна, стала квартира в доме, в котором еще с 1970-х гг. жили Л. И. Вольперт и П. С. Рейфман). С Б. М. Гаспаровым, С. Г. Исаковым, В. И. Беззубовым. Иных уж нет, а те...

Составила она эпоху и в истории Пскова — Псковского педагогического института, где с 1962 по 1977 г. преподавала на кафедре русской и зарубежной литературы и где ее уход в конце 1970-х гг.,

когда она окончательно переехала в Тарту и стала преподавать в Тартуском университете, нелицемерно оплакивали псковские студенты, полюбившие и созданный ею в институте театр, и ее лекции по истории античной литературы, на которых античный мир оживал и подымался из гробницы ничуть не менее значимо, чем описанный когда-то Теофилом Готье в «Аррие Марцелле». Да и Псков — теперь, на отдалении, это тоже уже вполне очевидно, — переживал свой местный, но оттого не менее значимый Золотой век. Блестательная плеяда архитекторов-реставраторов, которые восстанавливали разрушенный после войны город — а попутно делали и открытия в области русской средневековой архитектуры: Ю. П. Спегальский, В. П. Смирнов, Б. С. Скобельцын. «Костяк» кафедры литературы Псковского педагогического института составляли тогда дамы с ярко выраженной индивидуальностью: В. Н. Голицина, А. И. Гольшева, М. Т. Ефимова и сама Л. И. А возглавлял кафедру в те годы мой отец, Е. А. Маймин, фронтовик, прошедший через финскую и Великую Отечественную войны, но оттого не утративший своего несколько идеалистического взгляда на мир и, следовательно, совершенно не годившийся на роль заведующего кафедрой. Что, собственно, и нашло отражение в ставшей уже почти знаменитой эпиграмме, написанной словно от лица Е. А. Маймина Ю. М. Лотманом, которую так любит вспоминать Б. Ф. Егоров: «Как пройти мне биссектрисой / Меж Ларисой и Алисой, / Между Титовой и Верой, / Меж чумою и холерой». Сама же Л. И., хотя и смеялась вместе со всеми, но все же утверждала: субстантивированные эпитеты последней строки эпиграммы к ней не относятся.

Ей же в эти годы принадлежал афоризм: «Живу в Тарту, работаю в Пскове, прописана в Ленинграде, проигрываю во всех городах» (намек на шахматное прошлое Л. И.) Теперь-то мы, впрочем, понимаем: не проигрывала, а выигрывала.

Тема Пушкина в жизни и трудах Л. И. Вольперт возникла именно во Пскове, где «все занимались Пушкиным» — ввиду близости Михайловского, харизматической фигуры С. С. Гейченко, ежегодно зазывавшего членов кафедры на августовскую конференцию в Михайловском и где его самого можно было еще увидеть в роли царя Максимилиана в устраивавшихся в ту пору в заповеднике театральные действия. Вспомним и Пушкинские конференции во Пскове с обязательными выездами в Михайловское и на Кобылье Городище, легендарное место Ледового побоища, — конференции, обязательными гостями которых были соседи-тартусяне. Все это, по-видимому, и обусловило профессиональный выбор, который сделала в 1960-е гг. Л. И. Вольперт. Выбор — наверное, не слыш-

ком простой для именитого гроссмейстера, чье имя уже «гремело» на всю страну. Но которым отныне стало изучение творчества А. С. Пушкина.

Когда познакомишься с библиографией научных работ Л. И., то поражаешься тому, насколько в ее профессиональной биографии Пушкин оказался первой и одновременно последней любовью, насколько последовательно она была ему верна, позволив себе лишь однажды отойти в сторону — в монографии о Лермонтове, которая, впрочем, сама «вышла» из ее пушкинских монографий. Но что тогда было «до»? Статьи середины 1950-х гг., посвященные Жану Ришару Блоку, изучению публицистики которого Л. И. посвятила свою кандидатскую диссертацию (1954). Последние свои работы о Ж. Р. Блоке Л. И. опубликует в конце 1960-х гг. Но в основном — очевидно — 50-е и начало 60-х годов проходят у нее под знаком шахмат — и практически, и теоретически: чемпион Ленинграда, на протяжении более чем десятилетия завоевавшая в международных чемпионатах призовые места (в 1960 г. в Тбилиси — первое место), Л. И. Вольперт публикует обзоры шахматных чемпионатов, пишет о женском шахматном движении, которое мечтает сделать массовым, — и тем самым словно берет на себя роль, аналогичную той, которую будущая героиня ее литературоведческих штудий госпожа де Сталь сыграла в начале XIX в. в области эмансипации женщин вообще.

И вдруг — ересь, причем двойная. В журнале «Русская литература» Л. И. публикует свою первую собственно пушкинскую статью — «О литературных истоках „Гавриилиады“».¹ И ставит в ней не только вопрос, который — а ведь в это время живы еще представители легендарного поколения пушкинистов, готовивших первое академическое издание, — не слишком и изучался, но еще и ловит на противоречии самого Б. В. Томашевского: мол, сначала он отрицал существенное воздействие на Пушкина Парни, а потом, в книге «Пушкин и Франция» (1960), все же сказал о его несомненном влиянии. И к тому же еще идет против течения, предлагая увидеть в «Гавриилиаде» не антирелигиозную поэму, как она трактовалась в то время практически *par excellence*, но как нащупывание Пушкиным в пародийной и даже кощунственной форме тех возможностей поэтического письма, которые будут в дальнейшем определять его стиль в «Евгении Онегине».

Собственно, уже в этой, кажется, первой пушкинской статье Л. И. Вольперт находит тот поворот и тот возможный угол зрения,

¹ Русская литература. 1966. № 3. С. 95—103.

который станет отличительным признаком ее собственного исследовательского стиля и ее подхода к Пушкину, в отношении к которому у филологов всегда есть некое чувство неловкости: столько всего уже сказано, и что можно сказать еще?

Сама Л. И. Вольперт слишком хорошо сформулировала эту стоявшую тогда перед ней дилемму, а потому нам ничего не остается, как ее же здесь и процитировать: «Когда в шестидесятые годы я начала работать на кафедре русской литературы Псковского педагогического института, я обнаружила, что там все занимаются Пушкиным <...>. Признаться, я была в растерянности: до того я занималась современной французской литературой. Вернувшись в Тарту (там был мой дом, я вела “челночную” жизнь), поспешила за советом к Ю. М. Лотману: как быть? Ответ был мгновенным: “Вашей темой, Madame, будет «Пушкин и Франция»”. <...> Тема незаметно разрасталась, захватывая все новые жанры, “игровые” топосы, литературные миры».²

Свой метод (или подход) Л. И. определяла как компаративистский и одновременно культурно-исторический, но обогащенный со временем развивавшейся в те годы в Тарту семиотикой, и в особенности семиотикой авторского поведения, которой в 1970-е гг. занимается Ю. М. Лотман. Его работы задают импульс, но Л. И. дает теме новый поворот: творческая игра Пушкина, но... по моделям французской литературы. Возможность же подобной игры открывает ей самый «театральный» и самый «игровой» роман просветительской эпохи — «Опасные связи» Шодерло де Лакло.³ Прозорливо обнаружив в нем источник бытового жизнетворчества Пушкина, Л. И. Вольперт обретает тем самым и собственный исследовательский путь, уйдя от двучленной формулы *текст — текст* и заменив ее гораздо более продуктивным трехчленом *текст — жизнь — текст*, позволяющим одновременно выйти в область психологии творчества, автобиографического письма и расширить тем самым круг изучаемых текстов, куда на полных правах входит и эпистолярный (так текст романа «Опасные связи» претворяется вначале в жизнь, определив характер шутливо-серьезных отношений и переписки Пушкина с тригорскими и тверскими барышнями, прежде чем претвориться в собственно литературные тексты — «Роман в письмах» и т. д.).

² Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. СПб., 2007. С. 56–57.

³ Вольперт Л. И. Пушкин и Шодерло де Лакло: (На пути к «Роману в письмах») // Пушкинский сборник. Псков, 1972. С. 84–114 (Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена; Т. 483).

Новым направлением в пушкинистике назвал подобный подход В. Н. Топоров. Ю. М. Лотман сказал, что перед читателем в результате предстал «нехрестоматийный, поразительно живой, игровой Пушкин». Думается, что открытие, совершенное Л. И. Вольперт, распространялось и на более широкий круг проблем, выходящих за пределы собственно пушкинистики. Понятие игры и исследование ее роли в творческой биографии Пушкина и вместе с тем во французской литературе XVIII—XIX вв. вписало и все дальнейшие работы Л. И. в историю исследования феноменологии игры, имевшей, как известно, столь огромное значение для европейской культуры Нового времени.

Последующие работы Л. И. Вольперт, посвященные теме Пушкин и Франция, одно перечисление которых составило бы немало страниц, естественно формировали главы монографии, материальным воплощением которой стала книга «Пушкин и психологическая традиция во французской литературе: К проблеме русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XIX в.» (1980). Две последующие пушкинские монографии — «Пушкин в роли Пушкина: Творческая игра по моделям французской литературы: Пушкин и Стендаль» (1998) и «Пушкинская Франция» (2007; 2-е изд. 2010) лишь расширяли каждый раз исследовательское поле, которое вбирало в себя все новые и новые тексты и новые аспекты. Однако выбранная при этом исследовательская перспектива оставалась в целом неизменной.

Книгу «Пушкинская Франция» Л. И. Вольперт посвятила памяти Бориса Викторовича Томашевского и Ефима Григорьевича Эткинды. В первом из них она видела своего учителя, во втором — друга. Но в обоих — своих предшественников и соревнователей (в архаическом значении этого слова) — в области изучения той обширной, влекущей и бесконечно сложной темы, каковой является тема «Пушкин и Франция». Но обратим внимание на следующее: Томашевский назвал свой итоговый на эту тему труд: «Пушкин и Франция». Эткинд дал название, метафору сочетающее с прагматикой: «Божественный Глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франци» (1999). Л. И. Вольперт своей последней монографии дала название: «Пушкинская Франция». И думается, это не случайно. Л. И. всегда была внимательна к деталям. Как по интонации тоста, произносимого бессменным тамадой пушкинских конференций В. Э. Вадуру, она безошибочно угадывала, должен ли этот тост иметь продолжение или, напротив, свидетельствовать об окончании застолья, так и найденной ею новой модальностью формулы *Пушкин и Франция* она, по-видимому, хотела передать иное.

Не двучленная формула: Пушкин и французская литература. И не историко-рецептивный подход, как в известном немецком издании Льва Копелева. Акцент здесь поставлен был на другое: французская литература (культура, одним словом, Франция), пропущенная сквозь личность Пушкина, как и сквозь его творчество. И потому оказывается, что главных героев у Л. И. Вольперт на самом деле двое: это и Пушкин, но это и французская культура — в том виде, в каком она была прожита и отрефлексирована Пушкиным. Ее русский пантеон (или, если угодно, канон), который имеет не меньшее право на существование, чем собственно пантеон французский. То есть та французская литература, которая не только воздействовала на Пушкина, но и сама видоизменялась под влиянием этого воздействия. В Европе (в особенности во Франции) такого рода подход стал известен начиная с 1980-х гг., получив название — для русского уха не слишком благозвучное — культурного трансфера, методологически противопоставившего себя более традиционному сравнительному методу.⁴ Кажется, сама Л. И. о нем нигде не упоминает, но — по странному ли сближению идей или по какой-то иной причине — именно этот подход становится ей близким.

А в результате получается, что пушкинские штудии Л. И. Вольперт мы читаем не только как увлекательнейшие изыскания о Пушкине, но еще и как особую версию (квазипушкинскую, но реконструированную Л. И.) истории французской (и — шире — европейской) литературы. И в этой версии «принимающей стороны» разрушаются все существующие в нашем сознании стереотипы: известный в нынешние времена разве что специалистам роман Юлии фон Крюденер (к тому же немки!) «Валери» занимает в ней не менее важное место, чем всеми признанные «Опасные связи» или же «Адольф» Бенжамена Констана. Бомарше аукается здесь не столько с Моцартом, сколько с Сальери, Стендаль выступает как великий игрок и иронист, конгениальный в этом смысле Пушкину. А байронической поэмой, пересаженной на русскую почву, оказываются — при посредстве Мюссе, который сам предстает более как автор поэмы «Мардош», нежели «Исповеди сына века», — не столько восточные поэмы Байрона, сколько его иронический «Беппо».

И наконец, книги (статьи) Л. И. Вольперт мы читаем еще и как блистательный апофеоз того игрового сознания, которое, как заметил однажды Шиллер, только и делает человека — человеком

⁴ См.: Дмитриева Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: Опозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313. См. также: Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с франц. Е. Дмитриевой. М., 2018.

«в полном значении слова». Сознания, которое было в высшей степени свойственно Пушкину. Как было оно свойственно и тем представителям французской (и не только) литературы, с которыми в свой длящийся диалог вступал Пушкин. И которое было в высшей степени свойственно и самой Л. И. Вольперт.

Лариса Ильинична, я обращаюсь в Вам, потому что в памяти всех знавших Вас людей Вы живы. Живы Ваши жесты, мимика, Ваши интригующие рассказы — ибо Вы были, конечно же, не только блистательным филологом, но и не менее ярким мастером устного жанра. В своей книге «Пушкинская Франция», говоря о «Домике в Коломне», Вы определили целевую установку поэмы как защиту творческой свободы художника, борьбу с ханжеством высоко нравственных критиков, апологию живости, иронии, игры, яркой полемичности. И в этом случае, как и в иных прочих, найденная характеристика не случайна. Потому что эта «апология живости» определяла в высшей степени и Вашу личность. И я обращаюсь, чтобы выразить Вам слова любви, признания и благодарности. Мне очень жаль, что я не сделала этого в полной мере ранее. Но хочется верить, что эти слова любви и признания будут Вами — вопреки всему — услышаны.

Non omnis mortuus est.

Е. Е. Дмитриева-Маймина

P. S. Кажется, в некрологах не полагается помещать постскриптумы. И все же позволю себе это сделать. Недавно в архиве своего отца я нашла обращенное к нему письмо Л. Я. Гинзбург, написанное как реакция на псковский «Пушкинский сборник» 1972 г. А в нем — отзыв о *той самой* статье Л. И., посвященной Пушкину и Лакло:

Пожалуйста, передайте Л. И. Вольперт мою благодарность (не забудьте!). Передайте, что ее статья читается с живым интересом, что в ней очень удачно и гармонично сочетались разные планы (биографический, психологический, историко-литературный). Может быть, только тригорско-михайловское бытие выглядит идиличнее, чем оно было. Там происходили вещи и не идилические. И настоящие драмы (письмо Анны Ник. Вульф к Пушкину в сентябре 1826 г.). Но в целом изображение пушкинской «игры» убедительно.⁵

Дошло ли тогда до Л. И. это послание?

⁵ О Publ.: Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 276.

РАБОТЫ Л. И. ВОЛЬПЕРТ О ПУШКИНЕ⁶

Составила Т. Н. Степанищева при участии Л. А. Тимофеевой

- О литературных истоках «Гавриилиады» // Русская литература. 1966. № 3. С. 95–103.
- Пушкин после восстания декабристов и книга мадам де Сталь о французской революции // Пушкинский сборник / Псков. гос. пед. ин-т. Псков, 1968. С. 114–131.
- Пушкин и Лабрюйер // Вопросы методики и истории литературы. Псков, 1971. С. 100–118. (Учен. зап. / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена; Т. 503).
- Пушкин и Шодерло де Лакло: (На пути к «Роману в письмах») // Пушкинский сборник. Псков, 1972. С. 84–114. (Учен. зап. / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена; Т. 483).
- Загадка одной книги из библиотеки Пушкина: (Пометы на романе Ю. Крюденер «Valérie») // Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 77–109. (Учен. зап. / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Польско-русский эпизод «Фобласа» и пугачевская тема у Пушкина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33. № 3. С. 270–275.
- А. С. Пушкин и госпожа де Сталь: К вопросу о политических взглядах Пушкина до 1825 г. // Французский ежегодник: Сб. ст. и материалов по истории Франции: 1972 / АН СССР. Ин-т ист. М.: Наука, 1974. С. 286–304.
- Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь // Временник Пушкинской комиссии. 1973 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. (Пушкинская комиссия). Л.: Наука, 1975. С. 125–126.
- «Фоблас» Луве де Кувре в творчестве Пушкина // Проблемы пушкиноведения: Сб. науч. тр. / Ленинград. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1975. С. 87–119.
- Пушкин и Мариво: (К проблеме пушкинского психологизма) // Сравнительное изучение литератур: Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1976. С. 263–269.
- Пушкин и Альфред де Мюссе: (О пародийности «Домика в Коломне») // Болдинские чтения / Большеболдин. музей-запо-

ведник А. С. Пушкина; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1976. С. 126–135.

Бомарше в трагедии «Моцарт и Сальери» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36. № 3. С. 244–251.

Дружеская переписка Пушкина михайловского периода (сентябрь 1824 г. — декабрь 1825 г.) // Пушкинский сборник: Сб. науч. тр. / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1977. С. 49–63.

Пушкин и Бомарше // Пушкинский сборник: Сб. науч. тр. / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1977. С. 99–125.

Пушкинский юбилей в Пскове // Временник Пушкинской комиссии. 1974 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. (Пушкинская комиссия). Л.: Наука, 1977. С. 170–171.

Пушкин и Лашоссе: (О сюжетном мотиве «Метели») // Временник Пушкинской комиссии. 1975 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. (Пушкинская комиссия). Л.: Наука, 1979. С. 119–121.

Пушкин и Стендаль: (К проблеме творческого поведения писателя) // Болдинские чтения / Болдин. музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. С. 114–129.

Пушкин и французская комедия XVIII в. // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1979. Т. 9. С. 168–187.

Пушкин и психологическая традиция во французской литературе: (К проблеме русско-французских литературных связей конца XVIII — первой трети XIX в.). Таллин: Ээсти раамат, 1980. 216 с.

Рец.: Строев А. Жизнь романа и роман в жизни // Вопр. лит. 1981. № 10. С. 281–289; Clayton J. D. [Book Review] // Russian Language Journal. 1982. Vol. 36. № 123/124. P. 287–288; Seifrid Th. [Book Review] // Russian Language Journal. 1981. Vol. 35. № 120. P. 227–228.

Понятие «истинного романтизма» у Пушкина и Стендаля // Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1982. С. 147–155.

Поэтика «истинного романтизма» в автобиографической прозе Пушкина и Стендаля: (Тема войны и природы в «Путешествии

в Арзум» Пушкина и «Дневнике» Стендаля) // Филологические науки в Тартуском университете: (Тез. конф. 15 дек. 1982 г.) / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1982. С. 150–153.

Психологизм ранней прозы Стендаля и Пушкина: («Арманс» и «Арап Петра Великого») // Теоретические и практические вопросы взаимодействия литератур. Тарту, 1983. С. 32–42. (Учен. зап. / Тарт. ун-т; Вып. 646: Тр. по романо-герман. филол. Литературоведение).

«Шекспиризм» Пушкина и Стендаля: («Арап Петра Великого» и «Арманс») // Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. С. 56–66.

Тема безумия в прозе Пушкина и Стендаля. («Дубровский» и «Красное и черное») // Болдинские чтения: [1984] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьковск. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985. С. 134–144.

Эстетические взгляды Стендаля и Пушкин: (К проблеме языка и стиля) // Взаимосвязи и взаимодействие литератур. Тарту, 1985. С. 37–43. (Учен. зап. / Тарт. ун-т; Вып. 698: Тр. по романо-герман. филол. Литературоведение).

Пушкин и Стендаль: (К проблеме типологической общности) // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 200–223.

Тема безумия в творчестве Пушкина и Стендаля: («Красное и черное» и «Пиковая дама») // Пушкин и русская литература: Сб. науч. тр. / Латв. гос. ун-т им. П. Стучки. Рига, 1986. С. 46–58.

Тема игры с судьбой в творчестве Пушкина и Стендаля: («Красное и черное» и «Пиковая дама») // Болдинские чтения: [1985] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1986. С. 105–115.

Историзм «истинного романтизма» ранней прозы Стендаля и Пушкина: («Арманс» и «Роман в письмах») // Проблемы метода и жанра в зарубежных литературах. Тарту, 1988. С. 157–177. (Учен. зап. / Тарт. гос. ун-т; Вып. 792: Тр. по романо-герман. филол. Литературоведение).

- Атмосфера иронии в поэмах «Намуна» А. де Мюссе и «Домик в Коломне» Пушкина: (Интерпретация мотива «дон-жуанизма») // Проблемы фона и атмосферы в зарубежной литературе. Тарту, 1989. С. 25–35. (Учен. зап. / Тарт. ун-т; Вып. 871: Тр. по романо-герм. филол. Литературоведение).
- Наполеоновский миф у Пушкина и Стендаля // Историко-литературный процесс: Методологические аспекты: Науч.-информ. сообщ. / Латв. гос. ун-т им. П. Стучки. Рига, 1989. [Вып. 2]: Русская литература XI — начала XX в. С. 22–25.
- Пушкин и психологическая традиция во французской литературе конца XVIII — первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: (10.01.01) / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Тарту, 1989. 32 с. Библиогр.: с. 30–32 (29 назв.).
- К проблеме становления пушкинского психологизма // Рус. яз. и лит. в киргиз. школе. Фрунзе, 1990. № 4. С. 54–57.
- Наполеоновский «миф» у Пушкина и Стендаля // Пушкинские чтения: Сб. ст. / Эстон. Фонд культуры. Таллинн: Ээсти раамат, 1990. С. 88–108.
- Хронотоп шуточных поэм Байрона, Пушкина и Альфреда де Мюссе: («Беппо», «Граф Нулин», «Мардош», «Домик в Коломне», «Намуна») // Литературный процесс: Внутренние законы и внешние. Тарту, 1990. С. 25–36. (Учен. зап. / Тарт. ун-т; Вып. 897: Тр. по рус. и славян. филол. Литературоведение).
- Хронотоп шуточных поэм Пушкина и Альфреда де Мюссе: («Граф Нулин», «Мардош», «Домик в Коломне», «Намуна») // Пространство и время в литературе и искусстве: Метод. материалы по теории лит. / Даугавпилс. пед. ин-т им. Я. Э. Калнберзина. Даугавпилс, 1990. С. 35–36.
- Творческая игра и французская литература: (К проблеме становления психологизма Пушкина // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1991. Vol. 32 (2). P. 197–208.
- Мотив адюльтера в плане Пушкина «L'Homme du monde» и роман Ансело «Светский человек» // Русская культура и мир: Тез. докл. участников II междунар. науч. конф. / Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, 1994. Ч. 2. С. 28–30.
- От «верной» жены к «неверной»: (Пушкин, Лермонтов: французская психологическая традиция) // Тр. по рус. и славян. филол.

Литературоведение: Новая сер. / Тарт. ун-т. Тарту, 1994. [Вып.] 1: Литературный процесс: Внутренние законы и внешние воздействия. С. 67–84.

План Пушкина «L'Homme du monde» и роман Ж.-А. Ансело «Светский человек»: (Мотив «неверной жены») // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту, 1995. С. 87–103. (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia / Тарт. ун-т; [Вып.] 4)

Семь дней в Дерпте: Пьеса в семи картинах: [О планах приезда Пушкина в Дерпт в 1825] / Предисл. (с. 38) Л. Н. Киселевой // Вышгород. 1995. № 1–2. С. 39–63.

Републ.: Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков: Современная наука – вузу и школе. Псков, 2004. С. 415–442; отд. изд.: Тарту, 2011.

Poushkin et Stendhal // Compagnie en Russie: Sur les traces de Henri Stendhal: Rencontres stendaliennes franco-russes. Paris, 1995. P. 231–240.

Похвальное слово анекдоту: [Рец. на кн.: Курганов Е. Я. Литературный анекдот пушкинской эпохи. Helsinki, 1995] // Рус. лит. 1996. № 4. С. 202–203.

Пушкин и книга Жака Ансело «Шесть месяцев в России» // Тр. по рус. и славян. филол. Литературоведение: Новая сер. / Тарт. ун-т. Тарту, 1996. [Вып.] 2. С. 105–129.

Игра «по французскому роману»: «Предупреждение»: [Психологизм в творчестве Пушкина] // Вышгород. 1997. № 4–5. С. 45–56.

Поэт в Америке: [Пушкинская конф. в Медисоне, 4–7 окт. 1996] // Вышгород. 1997. № 1/2. С. 65–70.

Пушкин в 1937 году: [Четвертая Междунар. конф. «Пушкин и мировая культура». 20–25 авг. 1997, СПб. – Н. Новгород – Болдино] // Вышгород. 1997. № 6. С. 111–114.

Пушкин и Шатобриан // Четвертая международная Пушкинская конференция: [авг. 1997, СПб. – Н. Новгород – Болдино: Материалы. СПб., 1997]. С. 261–266.

Пушкин в роли Пушкина: Творческая игра по моделям французской литературы: Пушкин и Стендаль / Вступ. ст. Ю. М. Лотмана; Предисл. Л. С. Сидякова. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 327 с.

Рец.: Бондаренко В. В. Этот загадочный гений // Библиотека. 1999. № 5. С. 76–77; Гречаная Е. // Новое лит. обозрение. 1998. № 33. С. 409–410; Исакова И. Н. Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль, М., 1998: [Реф. кн.] // Социальные и гуманитар. науки. Отеч. и заруб. лит.: РЖ. Сер. 7: Литературоведение. 1999. № 3. С. 22–31; Лотман Ю. М. Пушкин в роли Пушкина // Вышгород. 1997. № 4/5. С. 44; Epstein T. // Pushkin review. 2000. Vol. 3. P. 169–172.

В парижском Сквере Поэтов и на родине Калипсо: [Пушкинские конф. в Париже и Афинах] // Вышгород. 1999. № 6. С. 94–96.

«...за две строчки перехваченного письма»: Эзопов язык в переписке поднадзорного поэта // Вышгород. 1999. № 1–2. С. 6–15.

«Пушкин – европеец»: [Междунар. конф. в Италии, 13–17 окт. 1998] // Вышгород. 1999. № 1–2. С. 244–247.

Пушкин и французская литература: (История изучения проблемы) // А. С. Пушкин и мировая культура: Междунар. науч. конф.: Материалы: М., 2–4 февр. 1999 г. / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999. С. 173–175.

Кеннет Пушкин и другие: Юбилейный форум в Калифорнии // Вышгород. 1999. № 4–5. С. 222–224.

Пушкин и Шатобриан // Тр. по рус. и славян. филол. Литературоведение: Новая сер. / Тарт. ун-т. Тарту, 1999. [Вып.] 3: К 40-летию «Тартуских изданий». С. 57–70.

«Гавриилиада» и поэмы Парни: [Тез. докл. на конф. «Пушкин и пушкинистика на пороге XXI века», 29 мая – 2 июня 1999, СПб., М.] // Дискурс. Новосибирск, 2000. № 8/9. С. 109–110.

Ироническая тональность в «Евгении Онегине» // «Душа в заветной лире...»: Материалы науч. конф. «Шляпинские собрания», посв. 200-летию со дня рожд. А. С. Пушкина, сост. в Доме-музее Ф. И. Шляпина 26–28 мая 1999 г. / Гос. музей муз. культуры им. М. И. Глинки; РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького; Дом-музей Ф. И. Шляпина; Сост., вступ. ст. (с. 4–5), общ. ред. Н. И. Соколова. М., 2000. С. 31–36.

Неуловимый дух: Ирония в «Евгении Онегине» // Вышгород. 2000. № 1. С. 64–71.

- Памяти Вадима Эразмовича Вацууро // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 53–57.
- Памяти Ефима Григорьевича Эткинда // Пушкинские чтения в Тарту — 2: Материалы междунар. науч. конф. 18–20 сент. 1998 г.: Памяти В. Э. Вацууро / Тарт. ун-т. Тарту, 2000. С. 417–424.
- Е. Г. Эткинд — исследователь поэзии Пушкина // *Slavic Almanach: The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies*. 2000. Vol. 6. № 9. P. 7–14.
- L'ironie romantique dans "Eugène Onéguine" et "Le Rouge et le Noir" / Trad. de C. Géry // *L'universalité de Poushkin: In memoriam E. Etkind, V. Vatsouro / Sous la dir. de M. Aucouturier et J. Bonamour*. Paris, 2000. P. 49–59. (Bibliothèque russe de l'Inst. d'études slaves; T. 106).
- Пушкин и европейское мышление: (Книга А. Токвиля «О демократии в Америке») // Тр. по рус. и славян. филол. Литературоведение: Новая сер. / Тарт. ун-т. Тарту, 2001. [Вып.] 4. С. 109–125.
- Стернианская традиция в романах «Евгений Онегин» и «Красное и черное» // *Slavic Almanach*. Pretoria, 2001. Vol. 7. № 10. С. 90–104.
- Puškin e il pensiero europeo // *Puškin europeo: A cura di S. Graciotti*. Venezia: Marsilio, 2001. P. 31–44. (Presente storico; [Т.] 17).
- «...Бессмысленный и беспощадный...»: (Пушкин и Жермен де Сталь о фанатизме) // История и историософия в литературном преломлении. Тарту, 2002. С. 37–56. (*Studia Russica Hel-singiensia et Tartuensia / Тарт. ун-т; Т. 8*).
- «...мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды»: (Ирония в «Капитанской дочке») // Вышгород. 2003. № 3. С. 57–68.
- Е. Г. Эткинд — исследователь французского Пушкина // Эткиндовские чтения — 1: Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (27–29 июня 2000). СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 23–34.
- «Я торжествую и горд душой»: (Лермонтов, Пушкин, Андре Шенье) // Вышгород. 2003. № 6. С. 148–151.
- Ирония в прозе Пушкина и Стендаля. («Капитанская дочка» и «Красное и черное») // Лотмановский сборник / Тарт. ун-т. М.: ОГИ, 2004. [Вып.] 3. С. 270–280.

Лермонтов и французская литературная традиция: (Сопоставление с Пушкиным) // Пушкинские чтения в Тарту / Тарт. ун-т. Тарту, 2004. [Сб.] 3: Материалы междунар. науч. конф., посв. 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. С. 336–366.

Несостоявшийся побег: (Гипотеза в литературоведении и в беллетристической пушкиниане) // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков: Современная наука — вузу и школе / Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. Псков, 2004. С. 443–453.

Семь дней в Дерпте: (Пьеса в семи картинах) / Послесл. (с. 454) В. Н. Голицыной // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков. Современная наука — вузу и школе / Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. Псков, 2004. С. 415–442.

Впервые: Вышгород. 1995. № 1–2. С. 39–63; отд. изд.: Тарту, 2011.

[Словарные статьи о французских писателях: Ансело; Арно А. В.; Бальзак; Беранже; Бонжур; Буало-Депрео; Вийон; Виньи; Вольтер; Вольтера библиотека; Гальяни; Грессе (в соавт. с Ю. Г. Оксманом); Данжо; Дидро; Жанен; Казот; Констан; Корнель; Кребийон К. П. Ж.; Кребийон П. Ж.; Лабрюйер; Лагарп; Лакло; Ламартин; Лафонтен; Лебрэн; Лемонте; Лесааж; Малерб; Мариво; Мармонтель; Маро; Мериме; Местр; Мильвуа; Мольер; Монтень; Нодье; Парни; Прадон; Рабле; Расин; Ронсар; Руссо Ж. Б.; Руссо Ж. Ж.; Санд; Севинье; Сент-Бёв; Сталь; Стендаль; Сю; Флориан; Фонтенель; Шамфор; Шаплен; Шатобриан / Частично в соавт. с Б. В. Томашевским] // Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Наука, 2004. С. 23–24, 36–37, 60–63, 66, 68–70, 84–89, 92, 120–121, 124, 132, 142–143, 158, 170–174, 177–178, 180–189, 195, 197–203, 209–212, 225–226, 233–235, 245, 288–291, 293–297, 300–301, 304–306, 318–322, 324, 339–340, 370–374. (Пушкин: Исследования и материалы; Т. 18–19).

Лермонтов и литература Франции: (В Царстве Гипотезы) / Тарт. ун-т; Предисл. И. С. Чистовой. Таллинн: Фонд эст. яз., 2005. 319 с.

Из содерж.: С. 43–82: Лермонтов и французская литературная традиция: (Сопоставление с Пушкиным); С. 197–212: От «верной» жены к «неверной»: (Лермонтов, Пушкин, Стендаль).

Пушкин и французская литература // *The Pushkin Handbook / Ed., Preface and Introd. by D. Bethea. Madison, 2005. P. 458–474. (Publ. of the Wisconsin Center for Pushkin Studies).*

От «верной» жены к «неверной»: (Стендаль, Пушкин, Лермонтов, Толстой) // *Тарханский вестник. Тарханы, 2006. Вып. 19. С. 124–133.*

Пушкин и Шатобриан // *Toronto Slavic Quarterly: Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2006. № 15. (Эл. изд.; URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/volpert15.shtml>).*

Игровой мир Пушкина: Эпизод быта Тригорского: Поэт и Зизи / В соавт. с Т. И. Краснобородько // *Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф. Тарту, 2007. С. 9–31. (Пушкинские чтения в Тарту. [Сб.] 4 / Univ. Tartuensis; Humanoria: Litterar Russicae).*

Пушкинская Франция. СПб.: Алетейя, 2007. 575 с. (Рус. зарубежье: Источники и исслед.).

Рец.: *Bonamour J. // La cohérence du discours dans les langues slaves: linguistique théorique et textuelle. Paris, 2009. P. 231–233. (Revue des études slaves; T. 80. F. 1/2); Gretchanaia E. // Revue de l'histoire de la littérature française. 2009. Vol. 109. № 4. P. 971–974.*

2-е изд., испр. и доп.: Тарту, 2010 (Эл. изд.; URL: http://www.ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf)

Лермонтов и литература Франции / Предисл. И. С. Чистовой. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2008. 298 с., 1 л. портр. (Рус. зарубежье: Источники и исследования).

Из содерж.: С. 37–67: Лермонтов и французская литературная традиция: (Сопоставление с Пушкиным): [Гл.]; С. 160–172: От «верной жены» к «неверной»: (Лермонтов, Пушкин, Стендаль): [Гл.].

3-е изд., испр. и доп.: Тарту, 2010 (эл. изд.; URL: http://www.ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf)

Опыт реконструкции одного пушкинского замысла: (К проблеме зарождения гипотезы) // *Тр. по рус. и славян. филол. Литературоведение: Новая сер. / Тарт. ун-т. Тарту, 2008. [Вып. 6]: К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. С. 63–75.*

Роман Пушкина о верной жене: (К проблеме зарождения гипотезы: «Евгений Онегин» и «Валери» Юлианы Крюденер) // *Con amore: Историко-филологический сборник в честь Любо*

Николаевны Киселевой. М.: ОГИ., 2010. С. 118–129. (Нация и культура. Новые исследования. Филол.).

Семь дней в Дерпте: Пьеса в 7 картинах: [Новая ред.]. Тарту, 2011. 44 с.

О книге Н. А. Тарховой «Жизнь Александра Сергеевича Пушкина» // Эйхенбаумовские чтения: Материалы междунар. науч. конф. / Воронеж. гос. пед. ун-т. Воронеж, 2012. Вып. 8. С. 54–56.

[Приветствие участникам конференции] // Михайловская пушкиниана / Музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). Михайловское, 2013. Вып. 58: Пушкин и 1812 год: Материалы науч.-практ. конф. «Золотой век французской книги в России» (4–8 апр. 2012 г.) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15–19 авг. 2012 г.). С. 117.

Судьба Пушкина во Франции: [Гл. из кн.: Пушкинская Франция. СПб., 2007] // Пушкинский альманах / Новосиб. регион. Пушкинское об-во. Новосибирск: Манускрипт, 2014. Вып. 18–19. С. 67–78.